

Александр Гройсман

специализация "Ядерная физика"

1969 - 1970 - Институт мерзлотоведения ЯФ СОАН СССР, Якутск

1970 - 1994 - Институт физико-технических проблем Севера ЯФ СОАН СССР, мнс, снс

1995 - 2000 - Политехнический университет, Бруклин, Нью-Йорк, США, нс

2000 - 2001 - Нью-Йоркское метро, Нью-Йорк, США, электрик

2001 - наст. время - департамент исправительных работ, Нью-Йорк, США, электрик

Был женат на однокурснице Людмиле Смирновой, трое детей, четверо внуков,
развелись в 1998

*Рад приветствовать всех участников встречи из "прекрасного далека",
желаю всем нам встретиться на всех последующих юбилеях....*

СТУДЕНЧЕСКИЕ ГОДЫ

До поступления (1960 - 1964)

Наше школьное и студенческое время пришлось на уже легендарные 60-е годы. Несмотря на мирную риторику советской пропаганды, страна похоже опять готовилась к большой войне, на этот раз - ядерной.

В нашем городе, а я жил в городе Черновцы на западной Украине, в многоэтажных домах построили бомбоубежища с лазом во двор, и мы детьми играли в этих подземных переходах. А в школьную программу в старших классах входила ненавидимая мной строевая подготовка.

Для будущей войны армии нужны были специалисты, которые при необходимости со счетчиками Гейгера в зубах ползли бы в очаг поражения. Поэтому в стране была развернута широкая пропаганда новой романтической специальности - "физик-ядерщик".

До войны популярны были летчики, и вся молодежь мечтала быть летчиками. После войны усиленно рекламировали геологов. А в наше время стране были нужны специалисты по ядерному оружию и не жалели денег на романтизацию естественных наук и ядерной физики в первую очередь.

Появилось множество занимательных книг про ученых: Юнг "Ярче тысячи солнц", Данин "Неизбежность странного мира", Гранин "Иду на грозу", Грекова "За проходной"... И фильмов. В первую очередь "Девять дней одного года".

И со своим школьным приятелем Бумой Вайсманом мы тоже решили стать физиками-ядерщиками. Но мы не только, клюнув на пропаганду, мечтали о красивой жизни, чтобы как герои Баталова и Смоктуновского в фильме "Девять дней ..." за бокалом вина рассуждать о мировых проблемах. Нас действительно интересовала и математика, и физика.

Я где-то в классе седьмом, прочитав несколько популярных книг по ядерной физике, решил создать собственную лабораторию. На чердаке нашего дома была небольшая комната непонятного назначения. Я самостоятельно провел туда электричество, отведя провода с электрического столба, и решил повторить эксперименты по фотоэффекту. В качестве источника частиц я решил, что сойдет фосфор со светящихся стрелок будильника. Где-то я нашел пластинку цинка и построил простенькую камеру Вильсона, используя клизму. Конденсацию паров в камере мне удалось получить, а вот треки частиц почему-то не были видны.

А потом мне сдуру пришла идея поднять над лабораторией красный флаг, который вывешивали только по случаю государственных праздников. Немедленно на флаг примчались милиция и прочие должностные лица, лаборатория была разгромлена, родителям пригрозили крупным штрафом и прочими неприятностями. И мой интерес к экспериментальной физике значительно уменьшился.

Забавно, что в позже в Штатах я удивлялся американцам, которые государственный флаг вешали где только можно было: над своим домом, автомобилем, шили из него майки, трусы и т.д, и вспоминал свои попытки вывесить советский флаг.

Учился я в школе, расположенной в центре города, бывшей австрийской гимназии. И в ней сохранились прекрасные, расположенные амфитеатром, физическая и химическая аудитории. За стеклянными дверями высоких шкафов сверкали медью в деревянных полированных футлярах загадочные приборы. К сожалению, наши учителя физики и химии, наверное, и сами не знали назначения этих приборов. За все время учебы я не помню, чтобы эти шкафы открывались и мы бы работали с этими приборами.

С химией нам не повезло, потому что у учительницы химии были красивые ноги и короткая юбка, и к тому же она любила присесть на стол, так что юбка лезла еще выше. Короче, этот предмет никто в классе, по крайней мере из мужской половины, так и не усвоил, так как не был в состоянии сосредоточиться на химии.

Учителя же математики и физики не могли привлечь наше внимание даже своими ногами. Предметы, по-моему, они знали не лучше своих учеников. Кроме того, учителя равнялись на средних учеников, их главной задачей было вытянуть двоечников на уровень троечников.

Не удовлетворяясь школьными уроками, мы бегали на все популярные лекции по современной физике, которые читали профессора Черновицкого университета. После лекций я ловил этих профессоров и спрашивал, что делать, чтобы стать физиком. Они мне советовали решать задачи из учебника Перышкина, а позже, увидев меня, поспешно убегали от меня на другую сторону улицы...

Нашему выпуску к тому же не повезло еще тем, что мы попали под хрущевские реформы образования и должны были учиться 11 лет. А это означало, что если мы сразу же после окончания школы не поступим в ВУЗ, нас заберут в армию. Одиннадцатилетка и была придумана, чтобы увеличить набор в армию.

Я к тому же не хотел вступать в комсомол и в старших классах директор пригрозил, что если я не стану комсомольцем, я не получу характеристику для поступления в ВУЗ. Так я ненадолго стал членом ВЛКСМ.

Так как от школы было мало толку, нам самим надо было заняться подготовкой к поступлению в университет. Мы знали, что большинство университетов страны на самом деле были пединститутами, готовящими учителей для сельских школ. А мы хотели заниматься наукой. А ВУЗов, готовящих студентов к научной работе, в стране было немного: МИФИ, МФТИ, МГУ...

Мы нашли сборники задач для поступления в эти ВУЗы и перерешали все эти задачи. И мы не расставались с толстенным Моденовым. Мы тщательно готовились к поступлению в эти ВУЗы, мы были готовы к экзаменам в эти ВУЗы, но мы также знали, что двери в эти ВУЗы для нас закрыты.

К сожалению, этой московской болезнью через 30 лет заразился и мой родной Новосибирский университет. Моего сына, который несколько раз подряд получал первые места на математических олимпиадах в Якутске, не взяли на матфак НГУ, мотивируя тем, что для иногородних не хватает мест в общежитии. Пришлось моим детям получать высшее образование в Нью-Йорке.

Но вернемся в 60-е годы. Наряду с решением задач для поступающих, Бума нашел где-то курс матанализа Фихтенгольца, а я курс аналитической геометрии Привалова, и мы прочитали и эти учебники.

И вот ближе к окончанию школы перед нами стала задача, в какой же ВУЗ поступать, если ни в одном, куда мы хотели, нас не хотели.

И тут в школе появился выпускник нашей школы Фима Литман, который рассказал, что он учится на физфаке в новосибирском Академгородке, что в этом университете нет даже кафедры педагогики, поскольку он готовит исключительно научных сотрудников и туда принимают всех (!), лишь бы успешно сдал вступительные экзамены.

В это же время в "Огоньке" был опубликован большой рекламный репортаж о новосибирском Академгородке, и вопрос был решен. Мы с Бумой решили поступать на физфак НГУ.

Так мы оказались на другом конце страны, в Сибири. Впрочем, что касается меня, то я родился под Красноярском, так что можно сказать я возвращался в родные места...

Вся эта длинная преамбула была написана, чтобы объяснить, почему я выбрал для учебы физфак Новосибирского университета.

Вступительные экзамены (июль 1964)

Академгородок поразил с первой минуты. Всё выглядело как на картинах импрессионистов. Какие-то цветные пятна среди зеленых сосен. Это стояли пятиэтажки с

разноцветными стенами прямо в лесу. И названия улиц соответствующие: Цветной проезд, Жемчужная улица, Золотая Долина...

Белые здания научных институтов. Сразу вспомнился фильм «Девять дней одного года», фильм снимали, без сомнения, здесь. Университет с огромными окнами...

Поступать в этот сибирский университет приехали абитуриенты со всей страны: от Камчатки до Карпат. Правда, выпускников новосибирской ФМШ, а их в 1964 году было 90 человек, приняли в университет без экзаменов, так что для остальных конкурс резко возрос.

Экзамены оказались не такими уж сложными, как нас пугали.

На устном экзамене по математике я отдыхал и имел нахальство говорить экзаменатору – эту задачу я решал раньше, дай что-нибудь поинтереснее. Он в конце концов собрал остальных экзаменаторов и они все вместе стали меня забрасывать задачами.

На физике пришлось попотеть, так как задача явно выходила за рамки школьной физики, нужно было показать, как на экране осциллографа образуются фигуры Лисажу, ногодились начальные знания аналитической геометрии.

Вся абитуриенты, приехавшие из Черновиц, а нас было семь человек, поступили в университет. Юзик Бекерман, Бума Вайсман, Миша Дахис, Лев Штольценберг поступили на физфак. Мой одноклассник Алик Бубис и его приятель Арик Лесовой - на отделение мат.лингвистики.

Первый курс (осень 1964 – лето 1965)

И вот к первому сентября мы вернулись в Новосибирск, чтобы начать наше высшее образование. А началось оно с того, что нас отправили в село Морозово убирать картошку. В селе нас поместили в больших амбарах, спали на соломе, картофельные поля были расположены далеко, кормили отвратительно.... Сначала к этому относились с юмором и даже кем-то была сочинена песня на мотив известного романса «Дорогой длинною» - «Село Морозово, нас заморозило»...

Но потом терпение стало кончаться и заводилы, выпускники ФМШ, решили организовать забастовку и подговорили всех не выходить на уборку картошки, пока не начнут нормально кормить... Это было довольно смело... Мы были никто и могли вылететь из университета, даже еще не начавши в нем учиться...

Но начальство перепугалось. Это был невиданный скандал. И тогда на работу призвали выйти всех коммунистов, им то деваться было некуда. А коммунисты у нас были среди ребят, отслуживших армию. Потом начальство пообещало лучше кормить и забастовка сошла на нет...

Первые знакомства... В нашей бригаде был на редкость хвастливый парень Виктор Манион. Он всегда рассказывал бесконечные истории о женщинах, с которыми якобы переспал. И лихо одной рукой забрасывал в машину тяжелый мешок с картошкой. Что мне не удавалось сделать и обеими руками. Заметив это, Манион стал надо мной издеваться, почему я его и запомнил....

Запомнился тогда и Володя Сабинин, который играл с желающими в шахматы, не глядя на доску. А если находился еще один такой же мастер, то было жутко смотреть на этих игроков, которые передвигали шахматные фигуры, которых не было. Мистическое зрелище...

Познакомился я и с ребятами, выделявшимися среди нас своей военной формой, Володей Бурмасовым, Юрием Лисюткиным... Где-то на третьем курсе по неизвестным мне причинам Юра застрелился...

Приехав с картошки, мы стали устраиваться в студенческое общежитие. Ситуация с общежитием в Новосибирском университете была интересной. Мест в студенческих общежитиях по всей стране для всех нуждающихся обычно не хватало.

Но в Новосибирском университете администрация решила, что абсолютно все студенты, даже жители Новосибирска, должны жить в студенческом общежитии, поскольку это необходимо для успешного студенческого процесса. И обеспечила всех местами в общежитиях.

Первокурсникам физфака выделили четырехэтажное здание казарменного типа по улице Терешковой наискосок от института экономики.

Процедура устройства была следующей. На стене у коменданта был план общежития с номерами комнат и каждый записывался в свободную клетку на этом плане. В каждой комнате предполагалось жить по пять человек.

И я вписал свою фамилию в полупустую клетку, куда до меня записались незнакомые мне Юра Атутов и Саша Орешков. А позже клетку дополнили Костя Поляк и Миша Стронгин.

Саша Орешков приехал из хакасской деревни под Абаканом, а Юра Атутов – из Улан-Удэ. Саша держался тихо и настороженно и усердно занимался, а Юра, наоборот, со своей открытой улыбкой, как у Гагарина, похоже сразу же решил не учиться, а хорошо провести время. Он его и проводил в баре. Помню его присказку: - "Уан доллар - уан водка!"

Атутов был боксером-разрядником и изредка он и второй спортсмен с нашего курса, Валера Федоров, тоже имеющий разряд по боксу, проводили в холле общежития показательные бои с желающими. Чаще всего в драку лезли Валера Петровский и Бумка Вайсман и, соответственно, уходили с битыми мордами, недоумевая, как это так получается, а в следующий раз ситуация повторялась.

Сухонький Костя Поляк был киевлянином и как все, прошедшие армию, ходил еще в солдатской форме. Миша же Стронгин был новосибирцем, выпускником физматшколы. И как многие выпускники физматшколы, мнил себя гением и был довольно заносчивым.

Мы жили в своей комнате дружно и мирно, единственные разногласия возникали вечером, кому вылезать из теплой постели и тушить свет. Тогда я приделал к выключателю небольшой рычаг, на один конец привязал бутылку из под шампанского, а к другому привязал веревку, тянущуюся к моей кровати, и таким образом проблема была решена.

Запомнился праздник посвящения в студенты, когда нам торжественно выдали студенческие билеты и оригинальные факультетские значки. Я берег свой значок физфака, но во время многочисленных переездов он куда-то задевался.

На этом вечере старшекурсники развлекали нас самодеятельным концертом. Помню музыкально-танцевальный номер, когда под все ускоряющуюся музыку разбитная девица имитировала стриптиз, сбрасывая с себя один за другим предметы одежды, пока не осталась в одном спортивном трико...

А потом начались лекции. Начали мы все эти занятия с огромным энтузиазмом, который у меня быстро пошел вниз. Оказалось, что университет, это не школа. В школе можно было быстро на перемене пролистать любой учебник, будь то математика, физика, или что угодно, и все тут же было понятно. В университете же объемы знаний, которые нужно было усвоить, были в сотни раз больше. Так что не было речи, чтобы за пять минут пролистать толстенную книгу и во всем быстро разобраться...

Кроме того на первой же лекции по физике академик Будкер ошарашил меня тем, что сказал, что ему всех нас искренне жалко, так как он знает как плохо преподают общую физику в советских школах. Откуда он только знал про нашу черновицкую школу?

А в университете нет возможности, сказал Будкер, учить нас общей физике, поэтому мы сразу начнем с теоретической. И нам придется выплывать самим. И он открыл первый том курса теоретической физики Ландау и Лифшица.

К лекциям, впрочем, Будкер не готовился. Тем более сознавая, как он уже сказал выше, что бесполезно учить теоретической физике не прошедших нормальный курс общей физики. И он начинал рассказывать анекдоты из своей жизни еще времен Винницы. Или студенческих времен, когда он был капитаном волейбольной команды МГУ. Или как он, еще будучи аспирантом, встречался с академиком Ландау и тот ему сказал, что из Будкера физика не выйдет...

Чтобы послушать анекдоты Будкера на его лекции прибегали даже студенты гуманитарного факультета. Но для нашего профессионального образования его лекции были мало полезными. Как скоро оказалось и многих других лекторов и ассистентов. Преподавателями у нас были сотрудники научных институтов, а не профессиональные преподаватели. Которые больше думали о своей работе в лабораториях, а не о преподавании в университете.

Помню занятия по физике, которые вел у нас молодой еще тогда Володя Захаров. Он специально опаздывал на занятия и выглядывал из-за угла или мы еще не ушли. Мы тоже играли в эти игры и выглядывали из-за своего угла. А потом, якобы не увидев друг друга и довольные друг другом, разбежались в разные стороны.

В итоге, экономя свое время, Захаров стал академиком и директором Института теоретической физики имени Ландау. А кому очень надо было, тот тоже стал академиком и без его занятий. Как, например, Женька Кузнецов. И, кстати, замом Захарова в том же институте в Черногловке.

Поэтому умнее поступили те, кто первые пару курсов учился в не столь престижном вузе, но зато получил нормальную базовую подготовку, а только потом перевелся в НГУ. Так поступил, например, Иожик Розенцвейг, который на первом курсе учился на физфаке Томского университета.

А можно вспомнить и английскую систему, когда к младшим студентам прикрепляли старшекурсников, которые и помогали преодолеть первые самые тяжелые годы учебы. Если бы у нас была такая система, не было бы такого массового отсева на первых курсах. Да и старшекурсникам была бы польза - еще раз повторить и закрепить уже пройденный материал.

А вообще в Академгородке было множество других более интересных дел, чем занятия в университете. Это было, пожалуй, единственное место в Союзе, по крайней мере до 1968 года, в котором еще сохранялись остатки хрущевской оттепели. Хотя осенью 1964 года Хрущева уже сместил Брежнев.

Только здесь можно было посетить выставки полузапрещенных художников Фалька, Филонова, Эрнста Неизвестного, Шемякина, увидеть неидущие широким прокатом фильмы, услышать джазовый оркестр или не афишируемых и официально непризнаваемых бардов....

Например, помню лекцию академика А.Д.Александрова «Экзистенциализм – философия мужества и героизма». Я думал, что в Союзе разрешается только марксистско-ленинская философия. А если у кого-нибудь есть какие-нибудь другие взгляды, то это безусловная ересь, за которую положено сжигать на костре.

Или гонки на мотоцикле. Занятия проводили прямо в лесу. Мы гоняли по лесным тропинкам с риском сломать себе шею.

Или парашютная секция. Мы учились собирать парашют. Висели на стропах между этажами в университете и разучивали повороты в воздухе. Когда пришло время настоящих прыжков, нас вывезли на аэродром. Я собрал свой парашют, не очень уверенный, что все сделал

правильно, а тут Бумка Вайсман пристал ко мне, чтобы я и ему собрал парашют, сам он боялся это делать. Собрал и ему – один черт.

Инструктор косо посмотрел на наши упражнения, и только спросил, или у нас у обоих паспорта при себе, чтобы потом легче можно было опознать трупы. И мы полезли в самолет. Покружились над летным полем и ... прыжки отменили. Слишком сильный ветер. А потом началась сессия и уже было не до прыжков. Так я до сих пор жалею, что не удалось прыгнуть хотя бы один раз...

В университете в 1964 году ректором был Илья Несторович Векуа. И может поэтому в университете среди студентов было довольно много грузин. Бумка Вайсман и Юзик Бекерман быстро с ними подружились и начались бесконечные застолья. На нашем курсе учился Тимур Ангуладзе. Из-за моей невнятной речи он все время приставал ко мне, почему я, русский человек, так плохо знаю свой язык. Вот ему, грузину, это простительно.

Я пару раз был у них в гостях, когда приходили посылки с чачей, и один раз помню только как возвращался домой через лес, причем все елки почему-то качались как во время бури. И помню, что дошел до середины этой рощи, а очнулся уже в общежитии в своей комнате утром. Мне же сказали, что я пришел в общежитие и долго еще по нему бродил. Это меня напугало – не помнить, что было. А мало что могло случиться. Больше я никогда в жизни не напивался.

И я с тех пор стал избегать эти грузинские застолья, где невозможно отказаться от выпивки, примут за смертельное оскорбление. А потом Тимур ввязался в драку с членами студсовета, кончилось все это судом. Не знаю или его посадили, но из университета он вылетел.

А Юзик Бекерман впоследствии преподавал аэродинамику в Израиле, затем перебрался в Канаду, где я с ним и встретился в его антикварном магазине в Торонто.

Недалеко от нашей комнаты в общежитии на Терешковой жила не менее буйная компания. Как-то, опустошив бутылку, Костя Глушенко выбросил пустую бутылку в окно, забыв, что комната на третьем, этаже, что дело происходит зимой и окна закрыты... Бутылка вылетела, пробив оба стекла....дыру они как-то заделали, но все равно к утру вода в стаканах замерзала...

А рядом с нашей комнатой жила компания девушек: две Элеоноры, Дегтяренко и Виноградова, Валя Носова, которая, как и Элеонора Виноградова, приехала из Воронежа, Люда Смирнова из Кирова, с длиннющей косой, что было редкостью среди девушек, как правило они были коротко стрижены, и миниатюрная Света Цинкер, для контраста с крупной Элеонорой Дегтяренко.

Мы с соседками иногда проводили совместные мероприятия, отмечали дни рождения. Но после первого курса Носова и Цинкер перевелись в другие университеты. А мы переехали в новое общежитие, разбредлись по разным комнатам и компании первого курса распались

Несмотря на все пьянки и множество побочных увлечений, мы еще ухитрялись и учиться. Бумка как-то услышал, что на нашем курсе собираются сформировать группу теоретической физики. А зав.кафедрой теоретической физики будет член-корр Ширков. Бумка, у которого желание стать физиком-теоретиком было идеей фикс, потащил меня к Дмитрию Васильевичу домой.

Мы нашли его коттедж, к нам вышел заспанный член-корр в семейных трусах и спросил, какого черта нам нужно. Потом разъяснил, что теоретической физике невозможно научиться, также как невозможно научиться писать стихи.... Но если уж мы так страстно желаем, то он не возражает... И мы побежали в деканат. А группу, кажется, так и не создали....

Бумка, правда, от своей мечты не отказался и закончил аспирантуру при кафедре теоретической физики Иркутского университета.

Если первую (зимнюю) сессию я сдал прилично, хотя только чудом получил зачет по химии, то на летней сессии завалил экзамен по высшей алгебре. Тем более было обидно, что высшая алгебра – не самый трудный из предметов. Но я на экзамене нарисовал карикатуру на одного из наших преподавателей И.Ш.Алиева. Довольно похоже. И Исмаил Шахбазович ее увидел.

- «Ну все, - сказал он зловеще, - экзамен сдавать будешь мне».

И завалил меня. А это значит - прощай стипендия. И я не смогу на лето уехать в Черновицы – надо готовиться пересдавать эту чертову алгебру.

А с Алиевым я неожиданно встретился уже после окончания университета в Якутске. Я тогда работал в Институте физико-технических проблем Севера, а Алиев переехал в Якутск и стал директором ФМШ при ЯГУ. А я подрабатывал в ЯГУ: проводил практические занятия по термодинамике и стат.физике, и как-то столкнулся с Алиевым в коридоре, и тот меня узнал.

И стал уговаривать меня перейти работать к нему в ФМШ – ему нужны умные способные люди. А что ж пять лет тому назад ты не заметил, какой я умный и способный?... И переходить из академического НИИ работать в школу?...

Короче, благодаря Алиеву, летом 1965 года я остался в Академгородке. Я подрабатывал киномехаником в Институте геологии, а потом мы с Мишей Стронгиным устроились работать лаборантами в институт гидродинамики, а заработав немного денег, съездили в гости к Саше Орешкову в село Аскыз.

Второй курс (осень 1965 – лето 1966)

Для физфака тем временем построили новое современное общежитие на улице Пирогова рядом с университетом. Там уже студентов селили в комнатах по четверо. Мои товарищи по общежитию на Терешковой быстро заселились в новую комнату в общежитии на Пирогова, а я оказался тем самым пятым колесом в телеге, и мне надо было опять искать место для жилья.

А с Орешковым и Поляком я встретился уже много лет спустя на юбилейной встрече по случаю 20-летия окончания университета. Саша Орешков к тому времени вступил в партию, защитил диссертацию и стал начальником ВЦ в ИЯФе. Костя Поляк стал начальником лаборатории НИИ электронных приборов и преподавателем информатики.

С Мишей же Стронгиным я встречался уже в Чикаго, где Миша стал профессором Иллинойского университета.

А летом 1965 года в городке появился Ёжик Розенцвейг. Он переводился к нам из Томского университета и должен был то ли что-то досдать, то ли пройти собеседование. Мы познакомились и оказалось, что он тоже из Черновиц.

А в Томск Ёжик уехал учиться, потому что там преподавал его дядя, который, как и мои родители, был в лагере (не пионерском) и застрял в Сибири после ссылки.

Это решило вопрос, с кем мне жить в одной комнате на следующем курсе. К нам примкнули Женя Кузнецов и Володя Сабинин. Позже Женя перешел в комнату к Рубенчику и Харитонову, а на его место пришел Рома Погреб.

Володя Сабинин был из морского порта Владивосток и носил тельняшку. Я почему-то на втором курсе помню Сабинина все время спящим днем на кровати, причем почему-то в пальто, с лицом, прикрытым полотенцем.

Хотя, конечно, он не весь день спал, а как и все мы ходил на занятия, и кроме того занимался фехтованием и очень активно шахматами. Он был чемпионом Новосибирска по шахматам и даже выиграл партию у экс-чемпиона мира Ботвинника, когда тот приезжал в Академгородок.

Ёжик же день и ночь занимался, причем по ночам прикрывал настольную лампу газетой, чтобы не мешать остальным спать. Конспектами Ёжика, которые можно было отдавать в типографию, даже не редактируя, и печатать в качестве учебников, пользовался весь наш курс.

Рома Погреб пытался от Ёжика не отставать. Но иногда отвлекался, чтобы спеть песни из бардовского или одесского репертуара, аккомпанируя себе на гитаре.

На нашем этаже через стенку жили сибиряки (Барнаул, Томск): Сэм Мушер, Саша Кирпотин, Саша Алтынцев, Миша Лельчук. И мы в течение дня бегали друг к другу по разным делам....

Еще одну секцию неподалеку от нас оккупировали жители Барабинска: Валера Петровский, Саша Пухов, Виктор Гришков, Володя Бурмасов ... Я часто к ним забегал, потому что Петровский, как и я, увлекался фотографией.

Петровский был вообще очень увлекающимся человеком. Он был физически очень сильным, и вообще у него было много сил, которые он не знал куда девать. Поэтому на выходные он уезжал в соседние поселки, чтобы там напиться и подраться – разрядиться, как он мне объяснял.

Полной противоположностью ему был Володя Бурмасов. Всегда подтянутый, аккуратный во всем, он и меня пытался воспитывать: я мол и плохо выбрит, и непричесан, и даже фотографии делаю небрежно.

Ну что ж, аккуратность и тщательность, которых мне не хватало, - важное качество для экспериментатора. Не зря Володя впоследствии стал прекрасным экспериментатором в ИЯФе и профессором Новосибирского университета.

У нас сменилось начальство. Ректором университета стал Спартак Тимофеевич Беляев, деканом физфака Виктор Николаевич Байер. До Байера деканом был Роальд Зинурович Сагдеев.

Своего бывшего декана академика Сагдеева я снова увидел уже в Штатах, когда слушал его лекцию в Центральной библиотеке в Бруклине. Кто мог подумать в 1965 году, что мы оба окажемся в Штатах и не туристами, а станем жителями США...

И еще одно пересечение: в первый раз Сагдеев приехал в Штаты в 1961 году на конференцию, которая проходила в Бруклинском Политехническом институте, в котором тридцать пять лет спустя я работал научным сотрудником...

Зам.декана на физфаке был Моисей Соломонович Рывкин, широко известный тем, что в соавторстве с Ю.Б.Румером написал "Курс термодинамики и статистической физики" .

С Рывкином я встретился уже после окончания университета как-то в аэропорту, где мы оба застряли из-за непогоды. Он меня узнал и видя, что я смертельно скучаю, дал мне почитать номер журнала с только что опубликованным романом Окуджавы «Бедный Амвросимов» (Глоток свободы).

А когда объявили посадку, я не смог найти Рывкина и улетел с его журналом. Я все хотел вернуть ему этот журнал, но не знал его адреса. А потом узнал, что Моисей Соломонович Рывкин умер.

Из лекторов запомнился Анатолий Израильевич Бурштейн. Он нам читал лекции по термодинамике и молекулярной физике. В городке Бурштейн был известен как президент кафе-клуба «Под интегралом».

На лекции он приходил в каких-то мешковатых спортивных штанах, похожие сразу после спортивных пробежек по лесу. Это, кстати, говорило о хамском отношении к своим студентам. Как и его злые шутки...

Одной из его шуточек было: чтобы удовлетворить девушку, то есть поставить ей оценку «удовлетворительно», она должна ответить всего лишь на один из вопросов типа: какая разница между фотоном и фононом, или поляроном и экситоном...

Бумка Вайсман к тому времени объединился с Анатолием Швачкой и они вместе штурмовали теоретическую физику. И пытались всё, что возможно, сдавать досрочно. В том числе они решили досрочно сдать Бурштейну молекулярную физику. Бурштейн не упустил случая публично их высмеять.

На лекции он нам рассказал, что к нему пришли сдавать его курс Вайсман со Швачкой и ничего не знали, и Бурштейн их выгнал. Через какое-то время они опять появились у него. На этот раз они все знали, ехидно рассказывал Бурштейн, но ничего не понимали...

У нас началась военная подготовка, и военная кафедра оказалась страшней любых занятий по физике или математике. Во всяком случае, за пропуск лекций никто не наказывал, за пропуск же занятий по военной подготовке спокойно можно было вылететь из университета. Военная кафедра была независимым учреждением, и даже ректор не мог на нее повлиять.

Для меня как и в средней школе строевая подготовка оказалась даже страшнее лекций по политической экономии. Занятия у нас вели полковник Корнев и подполковник Мушников. О полковнике Корневе осталось множество анекдотов и высказываний полковника вроде: от меня до следующего столба, на два пальца правее солнца, и так далее...

У меня вел занятия Мушников. Он был Героем Советского Союза, но за что получил Золотую звезду, никогда не рассказывал. Военная специальность у нас будет, как нам объяснили, та же, что и гражданская. А так как мы учились на кафедре ядерной физики, то, наверное, имелось в виду, что мы будем дозиметристами, а не строевыми офицерами. Поэтому подполковник относился к нам снисходительно, и я, как и все, в итоге получил звание младшего инженер-лейтенанта, а уже в Якутске сделал военную карьеру, дослужившись до капитана...

В это время в городке открылся киноклуб «Сигма», в котором можно было увидеть очень редкие фильмы из московского киноархива, практически те же киношедевры, которые показывали студентам ВГИКа.

Но чтоб попасть в этот Клуб, надо было сдать что-то вроде теста на киноэрудицию, который я успешно прошел, и в итоге просмотрел в "Сигме" много замечательных фильмов.

Клуб был настолько популярен в Академгородке, что тогдашний студент НГУ, кстати, тоже из Черновиц, а ныне знаменитый украинский поэт Моисей Фишбейн написал пронзительные строчки:

- "... Сигма, Сигма - невыносигмо"

А спустя 30 лет, когда я эмигрировал в Штаты, то в первый же месяц пошел записываться в ассоциацию ученых, эмигрировавших из СССР. Секретарь этой Ассоциации, Михаил Геллер, узнав, что я выпускник НГУ, заорал, что он тоже из Новосибирска и что он работал на Новосибирском телевидении.

И добавил, что он читал вводные лекции перед сеансами в киноклубе «Сигма». Тогда я удивил его тем, что вытащил свой старинный членский билет киноклуба, который я хранил наряду с прочими документами.

Секретарь умилился, чуть не прослезился и заявил, что выпускники НГУ лучшие специалисты в мире, и он через Ассоциацию обеспечит меня работой, но сначала я должен заплатить символические членские взносы, всего каких-то десять долларов.

Для меня тогда это были совсем не символические деньги. Но я уплатил взносы, и мы расстались лучшими друзьями, а вечером я позвонил ему, чтобы что-то уточнить. На мой звонок Геллер ответил, что он не помнит и не знает никакого Гройсмана...

Летом 1966 по дороге домой в Черновицы я заехал в Днепропетровск к Роме Погребу. Мама Ромы Сарра Абрамовна первым делом меня спросила, читал ли я роман «Великий Гэтсби». Узнав в ужасе, что не читал, сунула мне книгу и сказала, что я должен немедленно прямо сейчас ее прочитать.

А лет так тридцать позднее я был у Погребов в Израиле. Рома Погреб стал профессором университета города Ариэля, а Сарра Погреб - известным в Израиле поэтом. И не только в Израиле – предисловие к одному из ее сборников стихов написал Давид Самойлов.

А вместе с ней мы попали под одну обложку книги «Евреи, диссиденты и еврокоммунизм», где автор, Сергей Кара-Мурза, сначала обругал ее за стихи, а потом меня - за мою книгу «Евреи в Якутии».

На втором или третьем курсе был неприятный эпизод со Львом Штольценбергом. Придравшись к его еврейской внешности, его пытались избить пьяные студенты мехмата.

Над студентами мехмата устроили общественный суд. Активное участие в организации этого суда принимал академик А.Д.Александров.

Мне тогда казалось, что этот инцидент тогда слишком раздули, но спустя всего 20 лет Академгородок стал колыбелью скандально известной "Памяти"

А Лев Штольценберг уехал дальше всех от Академгородка, в Австралию, где был программистом.

Третий курс (осень 1966 – лето 1967)

На третьем курсе у нас началась практика в академических институтах. Для того, чтобы попасть на практику в Институт ядерной физики, надо было получить допуск №2. А чтобы получить этот допуск, мы заполняли многостраничные анкеты, которые для проверки отправлялись в Москву. К моему удивлению я этот допуск получил. Впрочем о своих родственниках за границей я, естественно, в анкетах не упоминал.

Институт ядерной физики оказался примерно таким же, каким был институт в фильме «9 дней одного года», многэтажные установки, длинные подземные переходы, пульта управления установками как на больших электростанциях....

В Институте ядерной физики меня направили в сектор инъекции, которым руководил тогда еще кандидат наук, а сегодня член-корреспондент Геннадий Иванович Димов. Он же стал и моим первым научным руководителем.

Порядки в лаборатории были таковы. Вся лаборатория располагалась в длинном коридоре, по обе стороны которого были помещения, где располагались отдельные научные группы. А в самом начале коридора был кабинет со стеклянной дверью Димова и каждый, кто выходил из лаборатории, проходил мимо его двери. И ни один научный работник не мог выйти незамеченным.

А работал Димов допоздна. И, естественно, научные работники не уходили раньше шефа. Впрочем, они не уходили бы, если бы Димова и вовсе не было в институте. Сотрудники были в этом институте помешаны на науке. И заражали этим интересом и нас, практикантов.

Но бывало, этот энтузиазм оканчивался трагически. В Институте был научный сотрудник Сергей Андреев, известный своими диссидентскими настроениями. У меня тогда на лацкане пиджака был значок – большой топор. Откуда он у меня взялся – не помню. Андреев надо мной смеялся, когда я ему объяснял, что значок означает призыв «К топору зовите Русь!». Однажды во время ночных экспериментов Андреев попал под высокое напряжение и погиб.

В лаборатории было всего два или три научных сотрудника, зато на каждого сотрудника приходилось по два-три лаборанта, была отдельно радиогруппа, выполняющая заказы научных сотрудников, токарь и специалист по точной микромеханике... Так что научные работники могли работать в полную силу...

А если технические работники не справлялись, научные работники могли отдать заказ на экспериментальные установки на прекрасный завод при институте или даже на Опытный завод на левом берегу Оби...

Похоже, что Димов лаборантов ценил больше, чем научных сотрудников. Специалист по микромеханике Журавлев сидел в отдельной комнате, в комнате у него была большая пальма... А когда токарь решил уволиться, я слышал как Димов его уговаривал остаться, обещая любые блага, повышение оклада, квартиру...

Мне Димов поручил определить профиль свехзвуковой струи водорода, которую потом использовали для получения пучка протонов в ускорителе, и выяснить, почему число Маха в этой струе меньше расчетного... И дал мне в помощь двух лаборантов...

Мне досталась уже готовая высоковакуумная установка, но я ее все время переделывал. И пропадал в лаборатории, измеряя плотность этой самой струи с помощью микрозонда изготовленного Журавлевым. Он же изготовил и сопло Лаваля и затвор, создающий эту струю. Когда затвор открывался и выбрасывал порцию газа, раздавался хлопок, как выстрел. Вот так я и занимался этой стрельбой весь третий курс.

Димов тем временем защищал свою докторскую. И приятно было видеть в ней и графики, полученные мной. На защите на Димова напали присутствующие, обвиняя его в том, что к физике его работа отношения не имеет. Но вступился директор института Будкер, заявив, что без работы Димова никаких ускорителей элементарных частиц в институте не было бы, а без многих работ многих научных сотрудников и даже без самих этих научных сотрудников лично он Будкер мог бы спокойно обойтись, и защита прошла единогласно.

Среди профессоров третьего курса самым заметным был, конечно, Юлий Борисович Румер. Румер был знаменит тем, что работал с Ландау, обсуждал работы с самим Эйнштейном, сидел в сталинском концлагере, о чем он, впрочем, не любил рассказывать... Он читал нам курс статистической физики, но в то время был увлечен теорией унитарной симметрии элементарных частиц и все время повторял, что мы живем в революционное время в физике...

Мы с Петровским решили досрочно сдать курс по теории функций комплексного переменного, быстро подготовились и заявили в институт математики к член-корру Бицадзе. Тот, удивленный нашим нахальством, потехи ради собрал всю свою кафедру и стал нас заваливать вопросами... Мне, казалось, что я на них отвечал, но Бицадзе взял мел, поставил точку у нас на лбу и сказал:

- "Запомните, кто вам поставил эту точку. Идите и готовьтесь к экзамену!"

Меня во время этого холодного душа, который нам с Петровским устроил Бицадзе, заметил Самуил Лейбович Крушкаль, часто замещающий Бицадзе и читающий нам вместо него лекции. Крушкаль обычно, когда меня видел в университете, подходил ко мне и интересовался моими делами...

Бицадзе был, конечно, оригинал, но истинным бичом божьим для нас была его жена, зав.кафедрой английского языка. Она, например, заставляла студентов учить наизусть патристические тексты про Розу Шафигулину, которая предложила отдать свои глаза больному секретарю Коммунистической партии США.

И даже сейчас, если разбудить ночью любого выпускника физфака 69 года и спросить его «Who is Rosa Shafigulina?», он немедленно ответит: «Rosa Shafigulina is a simple Soviet girl...» Но английский мало кто выучил, а некоторые из-за него и вовсе вылетели из университета....

Если бы мы знали, что многим из нас придется жить и работать в англоязычных странах, мы бы намного серьезнее отнеслись бы к изучению английского языка. Но в советское время побывать в англоязычных странах? Преодолеть железный занавес? Да скорее человек полетит на Луну!

Кто бы мог поверить в 60-х, что еще при нашей жизни сбудется и то, и другое. Короче, английский мы не учили.

А вот на гумфаке, рассказывали мне мои приятели с отделения матлингвистики, чтобы заинтересовать студентов английским преподаватель Танкред Голенпольский давал им читать порнографические романы. Хотя большей порнографии, чем Роза Шафигулина, трудно было придумать...

С Валерой Петровским мы продолжали активно составлять фотолетопись нашего курса, снимая все подряд. Независимым фотокорреспондентом был Володя Сабинин, у которого была пластмассовая «Смена», причем Володя уверял, что она лучше и моего ФЭДа и «Зенита» Петровского.

Но потом Саша Кирпотин привез маленькую 8-миллиметровую фотокамеру «Спорт» с пружинным заводом, и мы переключились на кино. Сабинин стал и главной кинозвездой и сценаристом. Мы сняли несколько коротких детективных сюжетов, но сохранились ли эти пленки у Кирпотина, не знаю.

А затем мы с Сабининым и, не помню почему, с Кирпотиним и Кузнецовым, хотя Кузя и Саша и жили в другой комнате, состряпали газету под названием «Унитаз», поскольку она первоначально висела в туалете, но под давлением интеллигентов Ромы Погреба и Ёжика Розенцвейга ее название было облагорожено и газета была переименована в «Uni-Tass».

Забавную эмблему, на которой была изображена голая девушка с бумажкой в руке в ореоле стульчака, придумала для газеты Света Суховеева

Эта затея понравилась, газета была переделана в журнал, название, пародируя университетскую газету «Прометей», было переделано в «Прометасс», в это дело вовлеклись не только наша комната, но и все соседние и даже наши трудоголики Ёжик и Рома иногда отвлекались от занятий, чтобы написать какую-нибудь чепуху в наш журнал.

А когда много лет спустя, при встрече с Ёжиком в Веймаре я, вспоминая студенческие годы, спрашивал его, помнит ли он свое участие в "Прометассе". Он заявлял, что абсолютно ничего не помнит и что такого быть не могло. А было!

Ёжик, кстати, в Германии защитил докторскую и много лет проработал научным сотрудником в Институте Фраунгофера...

Журнал держался на двух китах: Евгении Мосампилове (псевдоним Володи Сабинина) и Василии Обском-Соловье (псевдоним Саши Кирпотина). Конечно, все это было игрой, в которую были вовлечены даже такие серьезные люди как Сэм Мушер и Миша Лельчук, которые в то время были членами комсомольского бюро, а Лельчук даже секретарем.

Кстати, когда я спрашивал Мишу, что он там потерял, он мне объяснял, что если все порядочные люди будут чураться всех этих бюро, то там соберутся одни только негодяи. А так он хоть как-то их нейтрализует и хоть в какой-то мере попытается изменить существующую политическую систему.

А с Мишей Лельчуком спустя много лет мы оказались почти соседями в Нью-Йорке. Миша работал в Колумбийском университете, я - в Политехническом институте. И мы с ним встречались либо на концертах, либо когда в Нью-Йорк из России прилетали наши однокурсники...

Интересно, что и в Штатах Миша наряду с научной работой продолжал заниматься общественной: он с женой помогал больным детям из России с лечением в госпиталях Нью-Йорка, и они бескорыстно селили эти семьи, пока шло лечение, у себя дома! В принципе, чужих им людей.

Все авторы "Прометасса" понапридумывали себе забавные псевдонимы. Среди авторов были также и Миша Дахис, и Валера Петровский, и Света Тихонова.

Света Тихонова поставляла нам полузапрещенную или малодоступную литературу. Я, благодаря ей, прочел тогда, например, Франца Кафку.

В журнале я осуществлял техническую поддержку издания и пытался пародировать передовицы официальных изданий, которые, впрочем, в пародии не нуждались, поскольку сами по себе были пародиями...

Журнал пользовался успехом в студенческих общежитиях, а Кирпотин, который был вхож в «Клуб под интегралом», причем в «Числитель», а не как мы, простые смертные, только в «Знаменатель», таскал наш журнал и к Бурштейну.

Впрочем, очень подробно и хорошо историю «Прометасса» описал Володя Сабинин в своей повести «Прометасс, неуполномоченный заявить...»

Весной 1967 года студенты, вспомнив опыт нашего пребывания в селе Морозово, объявили бойкот нашей студенческой столовой. Хотя на мой вкус, еда была как еда, не ресторан же, не хуже чем в других столовых городка, хотя они и назывались кафе «Улыбка» или еще как-нибудь красиво. Никто от этой еды не умирал, разве что гастрит зарабатывал....

В это лето 1967 года был организован красочный студенческий карнавал. Студенты оккупировали не только территорию университета, но и улицы Академгородка... Было много забавных маскарадных костюмов и веселых плакатов, но особо острых политических я не помню... У меня сохранилось много фотографий наших студенческих карнавалов – так, обыкновенный балдеж.

Четвертый курс (осень 1967 – лето 1968)

Мы не просто стали старше. Мы стали старшекурсниками. И как старшекурсники из больших комнат перебрались в маленькие. Кому достались. Комнат было меньше чем старшекурсников, и их распределял студсовет...

Самые предусмотрительные, а может и нетерпеливые, женились. И получили маленькие комнаты в первую очередь. Прошли свадьбы Коротеева, Щетинской, Алтынцева...

Мы закончили основной курс обучения, и остались в основном спецкурсы и стажировка в научных институтах.

А самые дальновидные начали думать о дипломной работе и будущем распределении. Миша Дахис договорился, что он преддипломную практику пройдет в Москве в институте элементоорганических соединений у Китайгородского. После окончания университета он остался работать в том же институте и там же защитил диссертацию.

Много лет спустя я встретился с Мишей в Израиле, где он работает в университете города Бер-Шева.

Бума Вайсман с Толей Швачкой то же самое решили проделать в Иркутском университете, куда к тому времени перебрался их научный руководитель Орлов. После окончания университета они остались там же в аспирантуре. Швачка впоследствии перебрался в Дубну.

В стране в это время началась решительная компания по искоренению последних жалких ростков демократии, пробившихся во время хрущевской оттепели. Эта компания докатилась и до такого оазиса, каким был до сих пор Академгородок.

Нам повезло, что мы застали по крайней мере три года из золотого десятилетия Академгородка, когда там, в отличие от остальных регионов страны, был период относительных

демократических свобод и относительно хорошего материального снабжения. За покупками в Академгородок съезжалась вся Западная Сибирь... Но в 1968 году этому пришел конец...

У нас на курсе, в частности, провели чистку комсомольских рядов. Кажется, это была компания в стране по обмену комсомольских билетов. Комсомольское бюро факультета решило исключить меня из комсомола.. Возможно, из-за «Прометасса». Но Сэм Мушер, будучи членом бюро, отстоял меня, и меня оставили в рядах. До поры, до времени.

Поскольку в первый же год моей работы в Якутске меня исключили из комсомола с формулировкой "за антисоветскую деятельность" за отказ участвовать в выборах в Верховный Совет.

В то время в стране проходили громкие процессы Даниэля и Синявского, затем Гинзбурга и его товарищей, и, наконец, советские войска вошли в Чехословакию... В ответ на стенах домов Академгородка появились написанные несмываемой краской лозунги «Свободу Даниэлю и Синявскому»,... «Свободу Чехословакии», что было совершенно необычно для СССР и шокирующе для властей. Конечно, в этом были замешаны студенты университета.

Помню, в холле общежития физфака ректор университета Спартак Беляев объяснял нам, что мы живем в государстве рабочих и крестьян, и их интересы должны учитываться в первую очередь, а не малочисленной интеллигенции.

А учатся в университете в основном дети интеллигенции, потому что они более обеспечены и могут лучше подготовиться к поступлению в вуз. Беляев сказал, что он и сам нанимал репетиторов для своих детей.

Поэтому, мораль, этой прослойке лучше молчать и радоваться, что ей дали возможность учиться, а то можно и вспомнить практику первых лет революции, когда в ВУЗы не принимали представителей социально-вредных слоев.

Но терпение властей окончательно кончилось, когда клуб «Под интегралом» в марте 1968 года устроил всесоюзный фестиваль авторской песни и пригласил на него Кукина, Клячкина, Городницкого, Галича... Я достал пару билетов на фестиваль, но у меня их выклянчил Бумка, дав мне взамен книгу Зигмунда Фрейда. Которую я так и не удосужился прочитать, зато ее зачитал до дыр Володя Сабинин. Из-за этой книги, точнее не только из-за этой, я позднее уже в Якутске имел неприятности с КГБ. Почему-то Фрейд угрожал советской власти.

После концертов Александра Галича, на которых он пел свои антисоветские песни, в газетах появились разгромные статьи. В итоге Клуб «Под интегралом» закрыли. Полузакрыли киноклуб «Сигма», то есть в него перестали поступать фильмы из Госархива кино.

Тогда Лев Вайнер, Юра Розенберг и Виктор Матизен, они учились на курс младше, решили организовать свой студенческий киноклуб. И они пригласили меня в организационный Совет. Я отвечал за рекламу. Киноклуб называли «Кадр».

Премьера Клуба, которая состоялась в клубе «Юность», была и премьерой фильма Отара Иоселиани «Листопад». Перед сеансом выступал сам Иоселиани. Мы меж тем учились и проходили стажировку в научно-исследовательских институтах. Тем, кто учился на кафедре ядерной физики, к стипендии в 35 рублей в месяц, министерство обороны добавляло еще десятку. А в качестве поощрения за хорошую работу в лаборатории Димов меня устроил на полставки лаборанта. То же самое произошло и с Сэмом Мушером, который тоже проходил стажировку в ИЯФе в экспериментальной лаборатории Алиханова.

Мы в то время были с Сэмом Мушером и Наташей друзьями, в частности на почве общего интереса к книгам. Как-то Наташа дала мне почитать сборник стихотворений Н.Гумилева, НТС-ского издательства «Посев». Я переписал пару понравившихся мне стихотворений, не забыв, как положено настоящему научному сотруднику, сделать ссылку на

издательство... Что потом мне аукнулось, когда меня стали таскать в КГБ за распространение НТС-совских изданий!

Как-то в университете я столкнулся с Людой Смирновой. На этот раз она была уже без своей длинной косы, у нее была короткая стрижка, как у большинства студенток. А в руках у нее был роман Фицджеральда «Великий Гэтсби». Далеко не каждый студент в университете читал эту книгу и даже знал о ней.. И эта книга в руках у Люды была как пароль для своих...

Но вернемся к нашей работе лаборантами. Получив стипендию и зарплату лаборанта, мы с Сэмом решили слетать в Среднюю Азию, посмотреть на жемчужины Востока: Самарканд, Бухару, Хиву... Сэм, обладающий выдающимся административным талантом (наряду со многими прочими), разработал план: вылетаем в пятницу, суббота, воскресенье – экскурсии, вечером вылетаем обратно, и в понедельник появляемся на работе.

Хотя дело было в апреле, жара в Самарканде стояла ужасная. В Бухаре мы спали в каком-то клубе, наверное, надо было написать караван-сарай, народу в этом сарае наверное было с полсотни человек, спали на полу на каких-то циновках, вещи положив под голову, так как нас предупреждали об огромном количестве воров в этих экзотических местах...

Поэтому все документы и деньги мы сложили в один большой кожаный бумажник, подарок моего дяди из Уругвая, бумажник был помещен в глубокий внутренний карман моего пиджака, карман закрыт на все пуговицы и, конечно, этот бумажник украл. Мы остались без документов и без денег. Предусмотрительный Сэм из под подкладки своей туфли вытащил затертую трешку, и мы каким-то образом добрались до Ташкента, там нашли университет, нам поверили на слово, что мы студенты, и нам одолжили небольшие деньги, на которые мы уже не самолетом, а поездом долго добирались до Новосибирска.

В Институт мы безбожно опоздали. Зав.лабы были в ярости. Нас немедленно выкинули из лаборантов, а меня Димов лишил своего благоволения. Это был конец всем моим планам – остаться в Институте мне уже не светило. И я махнул рукой на все спецкурсы.

Сэма его шеф Алиханов тоже выгнал из лаборантов, но, не надеясь уже на Алиханова, предусмотрительный Сэм параллельно с практикой в лаборатории стал решать задачи у Захарова. В итоге Сэм стал аспирантом Захарова, а впоследствии доктором наук, профессором и зав.лабом.

В аспирантуру к Захарову поступили также Кузнецов, Рубенчик, Берхоер и Харитонов. Саша Рубенчик и Саша Берхоер стали впоследствии гражданами Соединенных Штатов, а Сэм Мушер и Женя Кузнецов часто прилетали в Нью-Йорк в служебные командировки.

Той весной 1968 года среди прочих исторических событий, происходивших в Академгородке в тот громкий год, был сеанс одновременной игры, на котором Володя Сабинин выиграл партию у самого Ботвинника.

А с Володей Сабининым, спустя много лет, я увиделся в Нью-Йорке, когда он недолго работал в Штатах, перед тем как переехать в Мексику.

Пятый курс (осень 1968 – лето 1969)

Начался пятый курс – последний год обучения в университете. Пришла пора вплотную заняться дипломной работой. Так как Димов после моей поездки в Среднюю Азию не обращал на меня внимания, то я был предоставлен самому себе и пытался соорудить дифференциальный усилитель, чтобы ловить слабые сигналы от фотоумножителей. И поймать конденсацию водорода в сверхзвуковой струе – задача, которую поставил передо мной Димов еще на четвертом курсе. Я бы так и провозился с этим усилителем весь пятый курс без всякого толку,

но появился мой новый руководитель Оливер Яковлевич Савченко. Он посмотрел на мое произведение и сказал фразу, ну прямо как в "9 днях одного года", только абсолютно наоборот.:

- «Ты не лудильщик, это не твоя работа паять электронные устройства, ты - физик», - и выкинул мой усилитель в урну.

Так как обнаружить конденсацию водорода из-за малого количества конденсата было нелегко, то Оливер решил отрабатывать методику на других газах, начиная с углекислого газа, конденсацию которого можно увидеть простым глазом, и перебирая газы со все более низкой температурой конденсации, постепенно приближаясь к водороду.

Мы немножко переделали установку и работа пошла. Оливер был немного странной фигурой в этой лаборатории. И не только из-за своего имени. Он закончил Менделеевский институт, то есть был по образованию химиком, но работал в физической лаборатории. Одновременно он преподавал в ФМШ и выпустил очень хороший сборник олимпиадных задач по физике.

Тем временем работа в лаборатории подходила к концу. Так как основным элементом моей экспериментальной установки было сопло Лавалья, в котором формировалась сверхзвуковая газовая струя, а основным объектом исследования были капли конденсированного водорода, то дипломную работу я назвал «Капли и сопля». На потеху однокурсников.

Кстати, о названии моей дипломной работы мне напомнил Борис Кашников, который тоже проходил практику в лаборатории Димова. Практику в этой лаборатории также проходил Володя Непомнящих, который впоследствии был ликвидатором Чернобыльской аварии и умер от лучевой болезни.

Несмотря на юмористическое название, в работе удалось получить интересные результаты. На предварительной защите дипломов в лаборатории, а в лаборатории Димова проходило преддипломную практику несколько выпускников НГУ и НЭТИ, Вадим Дудников, тогда молодой кандидат наук в лаборатории Димова, назвал мою работу лучшей. И ее рекомендовали опубликовать в трудах института. Вадим Дудников, кстати, впоследствии тоже оказался в Штатах.

Соответственно защита моей дипломной работы в июне прошла на отлично. Был выпущен препринт ИЯФ в соавторстве с Савченко и Димовым. Можно было гордиться - не каждый, будучи студентом, имеет опубликованную научную работу. Но, как я и предполагал, Димов оставил в лаборатории других выпускников.

Оливер и сам был не в лучших отношениях с Димовым и не мог за меня перед ним хлопотать. Он сам вскоре, после защиты диссертации, ушел из ИЯФа.

И мне предстояло искать работу. После защиты я уехал домой в Черновицы и оттуда опять начался мой путь на Восток. В Киеве в институте ядерной физики мне сказали, что я не подхожу им по профилю, профиль, видите ли, у меня не тот.

В Москве, вернее в Серпухове, где был большой ускоритель, после долгой беседы с одним из завлабов, тот согласился взять меня на работу, но в конце беседы, узнав, что у меня нет московской прописки, обматерил меня, что только зря потратил на меня столько времени...

И я вернулся в Новосибирск. Встретился с Димовым. Тот притворно удивился, почему я не попросился к нему на работу при распределении, и предложил мне место лаборанта.

- "Лаборантом, а не стажером?" - обиделся и я и гордо отказался.

Я сильно удивился, когда спустя много лет, уже давно будучи в Штатах, я неожиданно получил письмо от Геннадия Ивановича...

Не найдя работы в Новосибирске, я полетел в Иркутск, где в аспирантуре были Вайсман и Швачка, но Орлов сказал, что я для него кот в мешке, и брать меня к себе отказался. А с Бумой Вайсманом я встретился много лет спустя в его доме в Лондоне.

Тогда я полетел дальше, в Якутск. Дальше земли не было. Дальше была Америка, но до нее было еще далеко. А в Якутске уже была наша группа однокурсников: Шура Гоголев, Сергей Горохов, Люда Смирнова.

И Шура Гоголев помог мне устроиться... лаборантом в Институт мерзлотоведения! И почему я до этого отказался от такого же предложения Димова? Но через год я перешел стажером в Институт физико-технических проблем Севера.

Сергей Горохов тоже ушел из Института мерзлотоведения, уехал из Якутска и его следы затерялись. Шура Гоголев позже переехал в Академгородок, а потом в Москву, где стал директором какой-то фирмы.

А я с Людой Смирновой задержался на двадцать пять лет в Якутске вплоть до нашей эмиграции в 1994 году в Соединенные Штаты.

Нью-Йорк, 2014